

У истоков холодной войны (глобальные замыслы Вашингтона и иллюзорные ожидания и просчеты Москвы)

Ширяев Борис Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой американских исследований факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования РФ
shiriaev@mail.sir.edu

РЕФЕРАТ

В представленной статье автор рассматривает ход политических событий Второй мировой войны и первых послевоенных лет, приведших к масштабной конфронтации двух систем, определившей большую часть истории всей второй половины XX в., а во многом и современную политическую обстановку в мире и положение России на международной арене.

В результате Второй мировой войны Советский Союз стал подлинно великой державой, обладавшей не только мощнейшей армией, показавшей себя в тяжелейших боях, не только мощной промышленностью, но и, что крайне важно, огромным авторитетом в международном сообществе, а также среди населения многих стран. СССР был страной-освободительницей, спасшей Европу и мир от «коричневой чумы» фашизма. Вместе с США и Соединенным Королевством СССР был по праву творцом нового мира.

Однако для западных держав, в первую очередь США, Советский Союз был скорее опаснейшим противником в гонке за доминирование в мире. Еще до полного разгрома стран Оси одной из целей США и Великобритании стало снижение влияния СССР, что привело к нарастанию напряженности. Попытки руководства СССР снизить градус противоречий не привели к положительному результату, а во многих случаях даже оказали пагубное влияние на дальнейшее развитие политической обстановки.

Рассматривая события конца войны и первых послевоенных лет в отношениях между СССР и западными союзниками, важно помнить, что во многом те события обусловлены личностным фактором. Конечно, дружеских связей между членами «Большой тройки» — Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, скорее всего, не было. Но было взаимное уважение и, особенно со стороны Рузвельта к Сталину, благожелательное отношение. Как известно, на Потсдамской конференции тройки уже не было: Рузвельт скончался, а Черчилль во время конференции был вынужден уступить свое место новому премьеру. Подход нового руководства США и Великобритании, направленный на изоляцию СССР и максимальное снижение его влияния, во многом обусловил возникшую конфронтацию.

Разумеется, нельзя говорить, что холодная война — порождение только лишь Запада, а намерения СССР были исключительно миролюбивы. Но нельзя и говорить об обратном. Холодная война стала результатом действий двух сторон, и в результате мир оказался фактически поделен, что ощущается до настоящего момента в политике и иных областях жизни мирового сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

США, СССР, Великобритания, холодная война, конфронтация, железный занавес, Вторая мировая война, Потсдамская конференция, Тегеранская конференция, дипломатия

Shiryayev B. A.

At Sources of Cold War (Global Plans of Washington and Illusory Expectations and Miscalculations of Moscow)

Shiryayev Boris Anatolyevich

Saint- Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of the American Researches of the School of international relations
Doctor of Science (History), Professor, Honored worker of Education of the Russian Federation
shiriaev@mail.sir.edu

ABSTRACT

In this article the author reviews the course of political events of the World War II and first peaceful years. These events led to major confrontation of the two systems, and this confrontation has defined the majority of the history of the XX century, and in many respects, the present political environment of the world, as well as the Russia's situation on the international stage.

After the Second World War, the Soviet Union has become a truly great power, possessing not only a powerful army went through violent battles and a potent industry. What is very important, the USSR had a high moral authority in the international community and among the population of different countries. The Soviet Union was a state that liberated the Europe and world from the «brown plague» of fascism. Along with the USA and UK, the USSR was a creator of a new world in its own right.

However for the Western states, especially the USA, the USSR was a more of a dangerous rival in a race for world domination. Even before the complete defeat of the Axis powers, the UK and US defined diminishing of the Soviet Union's influence as one of their goals. This led to growing tensions. The Soviet administration's attempts to defuse these tensions were unsuccessful, and some of them have even had deleterious influence to the development of political situation.

It is very important to consider personal factor while reviewing the events in the relations of the USSR and the Western allies. For sure, it is more likely that there was not any friendship among the members of the Big Three — Stalin, Roosevelt and Churchill. But there was mutual respect and — especially from Roosevelt's side towards Stalin — favorable attitude. As is well-known, there was no Big Three on the Potsdam Conference: F.D. Roosevelt has passed away, and Churchill had to give his place to the new Prime Minister during the conference. New American and British administrations' approach aimed at isolating USSR and reduction of its influence has mostly determined the confrontation that has emerged.

For sure, it would be incorrect to state that the Cold War was a pure Western child, and that the Soviet Union had only peace-loving intentions. But it would also be incorrect to give reverse statement. The Cold War was a result of two sides' actions. The outcome of these action is the world mostly divided. This division still can be felt in politics and other life domains of the world community.

KEYWORDS

USA, USSR, UK, Cold War, confrontation, Iron Curtain, , Second World War, Potsdam Conference, Tehran Conference, diplomacy

Международные события последнего времени побуждают нас пристальнее обратить внимание на события, которые положили начало расколу мира на два противостоящих лагеря. В развернувшейся широкомасштабной информационной войне против России Вторая мировая война становится одним из наиболее важных полей этой битвы. Искажение исторических фактов приобретает невероятно циничные масштабы. Чего стоит, например, публичное заявление одного из правителей современной Украины о том, что во время Второй мировой войны советская армия якобы вторглась на территорию Украины и Западной Европы. Смею заметить, что Украина была частью территории СССР, которую в упорных боях освобождала советская армия. Создается впечатление, что в головах современного поколения Советский Союз предстает как агрессор и главный виновник Второй мировой войны. Юбилейные события, связанные с окончанием Второй мировой войны, дают повод вернуться к тем временам, которые во многом сформировали современный мир.

Сейчас, с высоты лет, многое становится бывшее понятным, годы высвечивают пружины и причины многих моментов той далекой эпохи, содержание которой на Западе трактовалось всегда предвзято и откровенно фальсифицировалось. И конечно, в центре той далекой эпохи стоят причины, связанные с зарождением и началом холодной войны.

Этим сюжетам посвящены тысячи исследований как в нашей стране, так и за рубежом, и нет необходимости вновь детально анализировать разные аспекты той

исторической ситуации. Однако есть необходимость обратиться к некоторым событиям, которые обросли многочисленными мифами, далекими от действительности.

Итак, еще раз по поводу причины происхождения холодной войны. На Западе сложилось твердое убеждение в том, что холодная война возникла по причине того, что Запад вынужден был консолидировать свои усилия для отпора агрессивным устремлениям Советского Союза. В связи с этим утвердился стойкий миф о разделе сфер влияния между Советским Союзом и США, достигнутыми в конце Второй мировой войны. Речь идет о так называемой Ялтинско-Потсдамской системе, которая закрепила раздел мира на сферы влияния. И эта система прекратила свое существование вместе с исчезновением Советского Союза.

Однако такое толкование не имеет ничего общего с реальной действительностью. В конце войны, и это было особенно акцентировано на Ялтинской конференции, речь шла о создании единого безопасного мира, гарантами которого должны были выступать три великие державы, Большая тройка: Великобритания, США, СССР. По завершении конференции Ф. Рузвельт заявил: «Создание всеобщего мира не может быть делом одного человека, одной партии или одного народа. Этот мир не может быть только американским или британским, или русским, или французским миром. Это должен быть мир, который будет покоиться на совместных усилиях всего человечества» [8]. Так что ни о каком разделе мире ни американский, ни советский лидеры не помышляли, о чем напомнил известный американский дипломат А. Гарриман в 1970-е гг.

Достоин сожаления то, что ни один американский президент после Ф. Рузвельта ни разу не вспомнил о том, что мир не может быть ни американским, ни русским, ни французским и т. д. Все последующие президенты в один голос твердили заученную фразу: «Мир может быть только американским, и тогда он будет стабильным и безопасным». Мы с прискорбием можем отметить, что все попытки перестроить мир под «американский век», предпринимаемые после распада биполярного мира, породили только хаос, угрожающую нестабильность и подорвали основы мирового порядка.

Однако ситуация в корне поменялась после кончины Рузвельта 12 апреля 1945 г. Новый президент Г. Трумэн и его новое окружение в самом конце войны и в первые послевоенные годы резко повернули курс в сторону конфронтации. Ялтинско-Потсдамская система в том виде, как ее представляли руководители Большой тройки, к сожалению, не стала исторической реальностью. Таким образом, так называемая Ялтинско-Потсдамская система — это миф, который был порожден фальсификацией событий конца Второй мировой войны.

Здесь следует упомянуть об одном обстоятельстве, о котором редко говорят исследователи. Ф. Рузвельт и Г. Трумэн фактически принадлежали разным мирам, хотя оба они были американцами. Ф. Рузвельт обладал широким кругозором, сильным интеллектом и способностью предвидеть — качествами, которые редко даются мировым лидерам. По своему складу, характеру и менталитету он был, скорее, просвещенным европейцем, чем американцем. Ф. Рузвельт хорошо понимал озабоченность других государств проблемами своей безопасности. Он, пожалуй, является единственным президентом в истории США, который это понимал.

Совершенно иного склада был президент Гарри Трумэн. Он был типичным средним американцем из глухой провинциальной американской глубинки, плохо знал мир и законы мирового развития, но с детства был убежден в моральном превосходстве и непоколебимой правоте всех действий Америки и был наиболее последовательным выразителем интересов и настроений той части американского правящего класса (и надо сказать, очень многочисленной), которая твердо уверовала,

что Вторая мировая война является прологом для создания «американского века». И для таких надежд были очень серьезные основания, так как крупнейшие игроки первой половины двадцатого века: Германская, Японская, Британская империи, — фактически сошли с мировой арены.

Еще в 1940 г., когда война в Европе еще только начиналась и США не были участниками этой войны, в Америке был обнародован документ под названием «Доктрина американского века», в котором содержались концептуальные основания безраздельного господства Америки после окончания войны.

Однако окончание войны принесло неожиданный и весьма неприятный сюрприз для этой части американского истеблишмента. Мир казался совсем не таким, каким предполагали видеть его адепты «американского века». В мире появилась мощная и авторитетная держава под названием СССР, которую в те времена все человечество боготворило и считало ее спасителем мира от коричневой чумы фашизма. Действительно, авторитет и влияние Советского Союза были сильны и в Европе, и в Азии, и во всех уголках земного шара. И это обстоятельством было серьезным препятствием на пути создания «американского века».

Известные сейчас документы свидетельствуют о том, что сразу после вступления США в войну в декабре 1941 г. в Администрации Вашингтона был создан комитет по вопросам послевоенной внешней политики. Практически всеми членами этого комитета СССР рассматривался как соперник, а не как союзник в деле послевоенного устройства. Уже в марте 1942 г. в комитете рассматривался вопрос о создании «санитарного кордона» на западных границах СССР. И как это ни странно, в недрах этого комитета рассматривались возможные варианты войны против Советского Союза, хотя продолжалась еще война, и ей не было видно конца.

Однако все эти планы и проекты носили пока гипотетический характер, ибо президент Рузвельт ориентировался на продолжение сотрудничества и был убежден, что основой послевоенного мира должен стать советско-американский альянс. Как это ни странно, но между лидером самой большой демократии и самым большим диктатором двадцатого века сложились доверительные отношения. Рузвельт никогда не пытался говорить и не считал, что Сталин эволюционирует и может в будущем эволюционировать в сторону демократии. Он ценил советского лидера как прагматика, как человека, на слово которого можно положиться. По завершении Ялтинской конференции Сталин сказал Рузвельту: «Пока мы все живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами» [3, с. 752].

Однако тревога по поводу возможности России контролировать евразийское пространство не покидала американские правящие круги с конца Второй мировой войны вплоть до наших дней. Г. Киссинджер много лет спустя говорил: «Господство единственной державы над двумя сферами Евразии — Европы и Азии — представляет стратегическую угрозу Америке, независимо от того, есть ли холодная война или ее нет. Эту угрозу надо устранить, даже если господствующая сила будет доброжелательной, ибо если ее намерения изменятся, у Америки не будет возможности сопротивляться этому» [6, р. 912].

Во время встречи союзников на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Советский Союз находился на пике своего могущества. Англо-американские войска еще не вступили на территорию Германии, а советские войска уже заняли всю территорию Польши, Венгрии, значительную часть Югославии, Чехословакии, контролировали территории Болгарии и Румынии и находились в предместьях Берлина. И у Сталина в связи с этим на руках были сильные козыри для торга с союзниками, но он не стал их использовать из-за надежд на послевоенное сотрудничество. Черчилль еще накануне Тегеранской конференции упорно пытался склонить Рузвельта к созданию подобия антисоветского альянса. Однако Рузвельт отвергал все эти попытки, ибо он был твердо убежден в том, что послевоенная стабильность

будет базироваться, прежде всего, на советско-американском сотрудничестве. Американский президент высоко ценил организаторские способности советского лидера и доверял ему.

Известно, что Рузвельт предлагал Сталину в 1943 г. встретиться один на один, чтобы обсудить проблемы войны и послевоенного урегулирования. Рузвельт предпочитал говорить со Сталиным с глазу на глаз без Черчилля, который не одобрял стремления Рузвельта к тесным отношениям с советами и уже в то время склонял американского президента к англо-американскому альянсу, направленному против СССР. Однако Сталин предпочитал не вести переговоры без Черчилля, дабы не усиливать его подозрения, и встреча Большой тройки произошла в Тегеране в 1943 г.

Тем не менее, до конца своих дней Рузвельт стремился продемонстрировать свои особые отношения с советским лидером и пытался убедить Сталина, что он не заинтересован в англо-американском альянсе с антирусской направленностью. Один американский дипломат, который работал в ближайшем окружении Рузвельта, писал: «План президента состоял в том, чтобы дать русским почувствовать, что американцы доверяют им и ценят советско-американские отношения как в войне, так и в послевоенном мире, выше всех возможных альянсов» [5, р. 324].

Особенно тревожили британского премьер-министра слова Рузвельта на Ялтинской конференции о том, что американские войска будут выведены из Европы через два года после окончания войны. Для британского премьера это представлялось настоящим кошмаром, и на Ялтинской конференции Черчилль приложил колоссальные усилия для того, чтобы включить Францию в ряды победителей, несмотря на упорные возражения со стороны Рузвельта и Сталина, и выделить для нее также зону оккупации в Германии. Черчилль уже планировал некое подобие англо-французского альянса как противовеса СССР после вывода американских войск из Европы.

Советский Союз был опасен авторитетом, который несла в Европу советская армия своими громкими победами. До сих пор сохранились многочисленные документальные кадры, где запечатлены ликующие толпы жителей европейских городов, которые со слезами на глазах забрасывали советские танки цветами. Необходимо было развеять образ СССР победителя-освободителя в глазах Запада и создать миф о грозном беспощадном агрессоре. Известный и один из самых авторитетных дипломатов того времени Дж. Кеннан, считавшийся одним из самых лучших специалистов по России, высказался по этому поводу предельно откровенно: «Когда закончится война..., Россия впервые в своей истории не будет иметь в Евразии ни одного соперника из числа великих держав и будет контролировать огромные территории за ее пределами, в том числе такие, на которые ее власть прежде не распространялась» [2, с. 160].

Глобальное могущество Советского Союза пугало его союзников. В феврале 1945 г. английская газета *Daily Mirror* писала откровенно: «Мы вступили в войну, чтобы сдерживать политику экспансии Германии, которая, как нам казалось, способна была поглотить всю Европу. Однако действительным результатом войны явился радикальный сдвиг политического влияния от стран Западной Европы на сторону Советского Союза. Мы создали монстра наподобие Франкенштейна, который доминирует на европейско-азиатском пространстве от Владивостока до Вены и даже дальше» [7, р. 349].

Как это не покажется, может быть, парадоксальным, толчками к началу трений, а затем и конфликта между бывшими союзниками послужила, с одной стороны, уступчивость советского руководства, а с другой стороны — намеренные провокации со стороны США с целью дискредитировать образ СССР как героя-освободителя.

Первой провокацией со стороны союзников была лавина статей о зверствах советских солдат на территориях Центральной Европы, иронические язвительные за-

мечания по поводу внешнего вида советских солдат и офицеров: изношенная полинявшая форма, разбитая обувь, бледные худые лица, — все это выглядело, конечно, контрастно по сравнению с упитанными американскими офицерами, у которых к тому же карманы были набиты шоколадом, виски, сигаретами, что в голодной Европе воспринималось как манна небесная (интересно было бы посмотреть на внешний вид американских солдат, если бы они с изнурительными и жестокими боями, буквально по-пластунски, проползли бы от Волги до Одера). Тот же Кеннан в одном из своих сообщений из Москвы написал, что «советское вторжение в Восточную Пруссию принесло массу разрушений». Любопытно отметить, что во время войны та же американская пресса не очень охотно и подробно рассказывала о зверствах немцев на территории Советского Союза.

Второй серьезной провокацией со стороны американских властей был непозволительный тон, которым разговаривал президент Трумэн с наркомом по иностранным делам СССР Молотовым. Как писал впоследствии Молотов, с ним никогда в жизни ни один государственный деятель не разговаривал таким вызывающим тоном.

Третьей провокацией со стороны США было решение Вашингтона о прекращении поставок по ленд-лизу 8 мая сразу после капитуляции Германии, хотя Советский Союз готовился к войне с Японией, как обещал Сталин на Ялтинской конференции, поэтому СССР оставался воюющей стороной, которой по закону о ленд-лизе мог получать помощь.

Но все же, похоже, Сталин надеялся на выполнение договоренностей в преддверии Потсдамской конференции, хотя у советского лидера зарождались сильные сомнения по поводу искренности западных союзников. Мы не можем сказать, что думал в конце Потсдамской конференции советский диктатор, однако, судя по его настроению, он ощущал себя обманутым. Новые лидеры Запада, появившиеся в ходе работы Потсдамской конференции, явно не стремились понимать озабоченности Советского Союза проблемами своей безопасности на будущее. Видимо, у него складывалось убеждение в том, что англо-американский альянс на антисоветской основе, против которого решительно возражал Рузвельт, может стать реальностью. Он явно начинал осознавать, что послевоенный мир будет иным по сравнению с тем, который планировался в Ялте. Не исключено, что Сталин с горечью вспоминал слова Черчилля, сказанные им по завершении Ялтинской конференции: «После нас миром будут править пигмеи». Большая тройка вела многие годы титаническую борьбу против самой жестокой силы, которая когда-либо была в истории, и лидеры Тройки были настоящими «воинами» большой битвы, а теперь вместе со Сталиным сидели малоизвестные серенькие клерки, которые не ощущали проблем и трагедий гигантского мирового пожара, как это было свойственно лидерам Большой тройки.

Советское правительство не реагировало на провокационные уколы со стороны союзников, хотя в руках у советского правительства были инструменты, необходимые для соответствующей реакции. Так, СССР мог бы потянуть с объявлением войны Японии, как тянули союзники с открытием второго фронта, мог бы оказать помощь греческому движению сопротивления, которое после высадки в Греции английских войск выступило против намерения англичан восстановить власть старого правительства, бежавшего из страны после нападения Гитлера в апреле 1941 г.

Москва не выступила в защиту итальянского движения Сопротивления, которым руководили коммунисты и социалисты. Силы Сопротивления фактически освободили северную Италию в начале 1945 г. и стали формировать свои органы власти. После прихода англо-американских войск в Италию вооруженные формирования Сопротивления и их органы власти были распущены. СССР занял в этом вопросе позицию наблюдателя, однако союзники активно вмешивались в процесс формирования органов власти в странах, территории которых освобождала советская армия.

И уж, конечно, совершенно грубой провокацией было выступление Черчилля в Фултоне в марте 1946 г., в котором он открыто призвал отгородиться от СССР железным занавесом от Балтики до Адриатики и оказывать противодействие СССР по всем направлениям. Многие в мире, на Западе и на Востоке, забыли, что термин «железный занавес» — это новаторство одного из известных западных лидеров, а не Советского Союза, а Запад, но не СССР, призвал отгородиться от Советского Союза железным занавесом. Потом, как это бывает обычно, сам термин и само понятие «железный занавес» приписали Советскому Союзу, который якобы хотел отгородиться от Европы.

Однако советское правительство первое время как бы не замечало перемен в тональности Вашингтона и американской прессы, так как лидеры СССР очень надеялись на продолжение сотрудничества с западными союзниками после окончания войны. Прежде всего, Советский Союз надеялся на помощь США в деле восстановления страны, доказательством тому является запрос советского правительства по предоставлению ему долгосрочного займа на сумму 6 млрд долларов, по тем временам — огромная сумма. Однако этот мотив был очень важным, но не главным. Кеннан замечает: «Их экономические ресурсы позволяют быстро восстановить хозяйство и без иностранной помощи» [2, с. 175].

Главным мотивом, который определял позицию советского руководства в то время, была надежда на то, что продолжение послевоенного сотрудничества позволит Советскому Союзу сохранить те позиции, которые он приобрел в ходе войны и которые были чрезвычайно важны для обеспечения его безопасности. Есть свидетельства тому, что Рузвельт хотел посвятить Сталина в секретные проекты создания атомной бомбы, которые велись в США, и его намерения поставить новое грозное оружие под контроль Большой тройки. Однако Черчилль категорически возражал против таких намерений американского президента. Хорошо известно, что Рузвельт предлагал Сталину встретиться вдвоем для секретных переговоров на Аляске в 1943 г., однако Сталин, сообразуясь с принципами солидарности и нежеланием раскола большой тройки, предложил тройственную встречу, которая состоялась в Тегеране в конце ноября 1943 г.

После смерти Рузвельта Сталин полагал (хотя он получал многочисленные негативные сигналы), что Трумэн в целом будет продолжать курс Рузвельта. Он плохо знал кухню американской внутренней и внешней политики (это было одно из слабых мест советской дипломатии — отсутствие многочисленного сообщества специалистов по США). Отечественный исследователь отмечает: «Сталин был хорошо информирован о нарастании сопротивления советской политике Рузвельта в Америке, и теперь имел веские основания опасаться ее пересмотра. Однако во внешнеполитическом ведомстве Советского Союза существовали весьма оптимистические прогнозы, в соответствии с которыми Трумэн будет продолжать линию президента Рузвельта на послевоенное международное сотрудничество» [3, с. 316].

Советский лидер не имел представлений о глобальных намерениях Вашингтона, не знал, что во всех американских оборонных и военных стратегических сценариях послевоенного мира СССР рассматривался как противник номер один. Например, 18 сентября 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов вооруженных сил США одобрил директиву «Основы формирования военной политики», в которой СССР был обозначен в качестве главного противника Америки [1, с. 744].

Он надеялся, что на основе хороших личных отношений сохранятся возможности продолжить союзнические отношения и после войны (кстати, такие же иллюзии были свойственны советским лидерам позднего СССР и ранней России). По всему видно, что Сталин своим «хорошим поведением» надеялся расположить к себе и преемника Рузвельта. Советские руководители не знали одну традиционную особенность американского менталитета и американской политической

культуры: они никогда не признают равного партнерства, но только отношения гегемон-клиент. В лучшем случае, признаются отношения между гегемоном и младшим партнером. Ни на одну из этих ролей Советский Союз никогда бы не согласился.

В развернувшейся на Западе информационной войне по дискредитации советской армии Москва проявила удивительное, но все же оправданное, благодушие. Советский Союз находился на пике своего могущества, его армия разгромила нацистскую Германию и освободила Европу, и моральный авторитет СССР был чрезвычайно велик. Советские лидеры полагались на силу завоеванного путем огромных жертв авторитета, западные же руководящие круги уже тогда умело использовали информационные технологии, и Запад сумел одержать победу в информационной войне. И эту горькую истину следует признать. Похоже, советские лидеры полагали долго почивать на лаврах победителя, которые усилиями западных ловких и умелых политиканов были очень скоро утрачены.

В западной литературе широко распространены тезисы о советской агрессивности и жесткой непримиримости, что в конечном итоге привело к расколу и к началу холодной войны. Однако возьму на себя смелость утверждать то, что Сталин проявил мягкость и уступчивость в тех вопросах, где следовало бы проявить твердость и настойчивость. Вся ситуация того времени лишний раз убеждает нас в том, что «хорошее поведение» не оказывает никакого влияния на позицию США в отношении России. Решающим фактором является проявление силы, наличие потенциала и решимость в отстаивании своих интересов. Очень экзотично и экстравагантно по этому поводу высказался директор Совинформбюро С. Лозовский сразу после окончания войны в Европе: «Битие определяет сознание — и то, что мы набили морду, это усвоено многими, и они начинают представлять себе, что Советский Союз представляет силу, а силу всегда уважают, любят или не любят — это другой вопрос, но всегда уважают» [4, с. 109].

В конце войны и особенно на завершающем ее этапе Сталин выдвинул союзникам ряд предложений, которые были направлены на стратегическую перспективу в целях обеспечения безопасности Советского Союза. Американский президент Рузвельт, скорее всего, склонен был согласиться с предложениями Сталина, однако Трумэн резко изменил позицию и занял позицию непримиримости и неприемлемости этих предложений. Сталин, очевидно, не желая портить отношения с американским президентом, перестал настаивать на этих предложениях.

Видимо, не столько стремление сдержать слово, сколько выглядеть хорошим в глазах западных союзников определяло достаточно сдержанное поведение Сталина. И не только надежда на экономическую помощь, но и сохранением этих отношений закрепить новые глобальные позиции и получить одобрение Запада на создание полосы безопасности вдоль западных границ.

В этих вопросах, как представляется, советский лидер допустил очень много ошибок и стратегических просчетов. В итоге, Советский Союз не получил того, что ему было необходимо и все равно оказался втянут в конфронтацию со своими бывшими союзниками.

Многие из таких предложений вполне возможно было реализовать в конце войны, когда Советский Союз находился на пике своего могущества. Так, Советский Союз предлагал своим союзникам дать согласие на создание военно-морской базы в Дарданеллах, чтобы обезопасить выход из Черного моря в Средиземное. Это был вполне реализуемый проект. В сентябре 1944 года после так называемого народного восстания в Болгарии профашистский болгарский режим был свергнут и советские войска вошли в Болгарию, и никто и ничто не могло бы помешать им зайти на территорию Турции и разместить в Дарданеллах военно-морскую флотилию с тем, чтобы начать создание военно-морской базы.

Такой шаг был бы справедливым и уместным, ибо Турция была союзницей Германии, в течение всей войны снабжала ее стратегическим сырьем и продовольствием и держала на южных границах Советского Союза большую военную группировку. Угроза вторжения со стороны Турции в Закавказье была реальной. Если бы немцы в сентябре 1942 г. захватили Баку, турки сразу бы напали на Советский Союз и оккупировали бы Грузию и Армению. Дабы обезопасить свои границы, советское командование вынуждено было держать большую военную группировку в Закавказье, несмотря на порой критическую ситуацию на советско-германском фронте.

Вынуждая держать советскую группировку на южных рубежах, Турция помогала Германии не только сырьем, но и в военном отношении. Более того, Турция пропустила через проливы немецкие военные корабли, которые представляли серьезную угрозу советским вооруженным силам в Причерноморье и нанесли серьезный ущерб советскому черноморскому флоту. В соответствии с международными соглашениями, Турция не имела права пропускать через проливы военные корабли в условиях военного времени. Таким образом, будучи формально нейтральной стороной, Турция фактически воевала на стороне Германии и не понесла за это никакого наказания. Поэтому Советский Союз имел и формальное, и моральное право разместить базу не только в Дарданеллах, но и занять западную Армению. Учитывая то, что большая часть советской армии находилась на советско-германском фронте, для занятия западной Армении можно было бы использовать армянских добровольцев. Как показал недавний Карабахский конфликт, армяне зарекомендовали себя отличными воинами, которые смогли нанести поражение намного превосходящим силам азербайджанской армии.

Здесь уместно заметить, что западная Армения была передана Турции в соответствии с Брестским мирным договором, который был аннулирован советским правительством после поражения Германии в ноябре 1918 г., а затем отменен решением Версальской конференции союзников. Однако западная Армения почему-то не была воссоединена с восточной. Создание большого армянского государства на южных границах СССР значительно укрепило бы позиции СССР на Ближнем Востоке. Так что нереализованный проект большой Армении, реальный в конце войны, был серьезным упущением советской дипломатии.

Требования Советского Союза выделить ему базы в Дарданеллах и датских проливах сразу же после войны были представлены как доказательства агрессивных намерений Советского Союза. А американская база на японском острове Окинава? Разве она прикрывает какие-либо уязвимые берега американского континента? Уже упоминавшийся нами Кеннан сразу после войны писал: «Передовая линия стратегической обороны США должна находиться в десяти тысячах миль от ее берегов».

Однако создание военных баз в датском проливе и Дарданеллах в общем-то не решало безопасности акваторий Черного и Балтийского морей. Как показал опыт и Первой, и Второй мировых войн российский флот оказался заблокирован пределами этих морей. Учитывая эти уроки, советское руководство после Второй мировой войны сделало ставку на развитие военно-морского флота на берегах Кольского полуострова и Камчатки, где есть выход в открытый океан. Поэтому сейчас российский военный флот может присутствовать в акватории любой части Мирового океана, независимо от прихотей и капризов турецкого, датского или шведского правительств.

Советский Союз также отступил от проекта создания «большой Азербайджанской ССР». Как известно, в августе 1941 г. в северный Иран были введены советские войска, так как правящие круги Ирана в то время очень симпатизировали нацистской Германии, и их позиция представляла угрозу советскому Закавказью. Во

время войны в иранском Азербайджане произошло национальное восстание, в результате которого была создана демократическая республика Иранский Азербайджан. Нет нужды скрывать, что эта республика пользовалась поддержкой находящихся в Иране советских войск, и в конце войны в советских правительственных кругах активно обсуждался вопрос об объединении иранских и советских территорий Азербайджана и создания союзной Азербайджанской республики (не лишне заметить, что большая часть азербайджанского этноса живет в Иране). Конечно, сегодня, после распада СССР, так называемый «большой Азербайджан» создал бы проблему и для России, и для Ирана. Проблема Иранского Азербайджана — одна из причин благожелательного отношения Ирана к России сегодня, так как нынешние правители Ирана знают, что правительство России выступает против объединения иранского и азербайджанского этноса в одно большое государство под названием Азербайджан.

Советский Союз имел полные моральные и юридические права реализовать свои геополитические замыслы на южных рубежах, и никто и ничто не могло бы помешать ему это сделать. Однако Сталин на это не пошел, не желая портить отношения с Америкой, которые очень скоро все равно испортились. Так что Советский Союз в итоге не получил ни базы в Дарданеллах, ни хороших отношений с Америкой. Сталин в то время не понял, что конфликт будет неизбежным, будет ли он вести себя осторожно или напористо и без оглядки, как это было в отношении балтийских стран в 1940 г.

Особенно крупный стратегический просчет советская дипломатия допустила в отношении Польши, ее восточных границ. Сталин в отношении западных границ выступал как великодержавный русский государь, однако ему наряду с этими устремлениями был свойственен догматизм. Его действия на западном направлении в 1939–1940 гг. явно говорят о том, что он стремился восстановить границы Российской империи 1913 г. В конце войны он вознамерился включить в состав СССР и так называемую Западную Украину, которую правильнее называть Галиция и которую поляки называют Восточная Волынь. Польско-советская граница была одним из яблок раздора между союзниками, так как польское правительство, находившееся в эмиграции в Лондоне, решительно настаивало на том, чтобы Галиция (Западная Украина) с центром во Львове вошла в состав Польского государства. Сталин проявил удивительное упрямство, ибо он, видимо, хотел войти в историю правителем, который завершил собирание русских земель. В этом своем стремлении он не учел ряд очень серьезных обстоятельств.

Во-первых, Галиция более семи веков находилась вне пределов русского мира. Шесть столетий она входила в состав Польши и более ста лет — в состав Австрийской империи. В Галиции сложился особый этнос, который сильно отличается от украинского, галичане даже говорят на другом языке. Во-вторых, взамен Галиции Сталин предложил включить в состав Польши южную Пруссию и восточногерманские земли — Померанию, Силезию. Сталин предлагал превратить Польшу в один из самых надежных бастионов на западе, который ограждал бы СССР от нового возможного вторжения из Европы. Передавая немецкие земли Польше, Сталин полагал привязать Польшу крепко к Москве, ибо страх утратить немецкие земли делал бы Польшу верным союзником СССР. Сталин не учел того (странно, что до него не доходила такая информация), что большинство польского населения испытывало резко негативное отношение к России и русским.

Представители американского Красного Креста, посетившие Польшу в самом конце войны, были поражены глубоким антисемитизмом польского населения и жгучей ненавистью к России. Американцы с недоумением замечали комплекс превосходства поляков по отношению к России и непонятное для них чувство преклонения перед Западом и особенно перед Америкой. Опираясь на эти настроения, так на-

зываемые, лондонские поляки (польское правительство в эмиграции) всячески демонстрировало западным союзникам свое нежелание и невозможность сотрудничать с советским правительством. Исходя из этого, намерение сделать Польшу бастионом западного пояса безопасности было глубоко ошибочным.

Конечно, сегодня мы видим результаты многих процессов и можем судить об ошибках, принимаемых в те времена. И сегодня со всей очевидностью становится понятно, что включение Галиции в состав Украины было серьезным стратегическим просчетом. Советский Союз отдал Польше территории, благоустроенные, с развитой инфраструктурой, с развитой промышленностью и сельским хозяйством, а взамен получил захолустный уголок Европы с нищим отсталым населением. К тому же, в лесах Галиции укрывалась примерно трехсоттысячная армия Бандеры, с которой советской власти пришлось вести в течение почти десяти лет тяжелую, кровавую войну. Последние бандеровские банды были ликвидированы только в 1955 г.

Бандеровские банды «прославились» политикой истребления евреев, русских и поляков на территории Галиции. Особенно знаменита кровавая акция 1943 г., во время которой бандеровские банды, по разным подсчетам, истребили от ста до трехсот тысяч поляков. То, что вытворяли «борцы за свободу Украины», — это картина не для слабонервных. Вот мнение одного из деятелей довоенного польского правительства: «Единственным утешением того, что мы избавились от восточной Волыни, состоит в том, что мы избавляемся от западных украинцев. Я бы посоветовал советскому правительству выслать этих украинцев в Сибирь. Это совершенно другой элемент, нежели восточные украинцы. Если бы вы только знали, что эти западные украинцы проделывали в Варшаве» [3, с. 335].

Сегодня имеется уже мало сомнений в том, что холодная война была порождением конфронтации двух несовместимых взглядов на мир и мировой порядок. Ее, в конечном итоге, породили итоги Второй мировой войны, которые были неприемлемы для руководящих кругов США. Во-первых, в Вашингтоне считали, что Советский Союз получил «слишком много» по итогам этой войны, и новые люди, пришедшие в Администрацию после кончины Рузвельта, смотрели на ситуацию через призму «американского века», не понимая или не желая понимать озабоченности по поводу безопасности других народов. Вот что писал Г. Киссинджер много лет спустя после окончания войны в 1982 г.: «После Второй мировой войны мы воспринимали сталинскую Россию как экспансионистскую и агрессивную силу и отвечали соответствующим образом. Мы признаем, что тем самым, видимо, создали у советской стороны впечатление, что мы стремились загнать СССР в перманентное проигрышное положение. Судя по всему, мы недооценивали советские опасения, вынесенные из опыта Второй мировой войны. Мы так же недостаточно хорошо осознавали, что потребности безопасности континентальной державы заметно отличаются от потребностей державы, окруженной, как наша, со всех сторон океаном. Наша история отсутствия иностранных вторжений с 1812 года сделала нас невосприимчивыми к проблемам страны, подвергавшейся неоднократным нашествиям» [3, с. 656].

Еще больше руководящие круги в Вашингтоне беспокоили настроения симпатии к Советскому Союзу, которые господствовали среди народов, освобожденных от нацистской оккупации. Почти во всех странах Европы в борьбе против нацистской оккупации участвовали силы сопротивления, которыми руководили левые, по большей части, коммунистические партии. Так было во Франции, Италии, Чехословакии, Югославии, Греции, Болгарии и т. д. Эти силы имели реальную власть и имели все шансы на формирование политических систем, которые явно не устраивали американскую верхушку. Вот свидетельство известного американского дипломата Ч. Болена, который информировал Вашингтон весной 1944 г., когда советские войска уже входили на территорию Западной Европы: «Судя по доступной нам скудной инфор-

мации о чувствах и настроениях народов Европы, общее настроение направлено явно против реставрации довоенных политических и социальных форм и имеет четко выраженную левую тенденцию. Однако единственным правительством в настоящее время, использующим преобладающий настрой на прогрессивное социальное развитие, является советское правительство, действующее через местные коммунистические партии. С помощью этих организаций, получивших серьезную поддержку благодаря своему организованному и активному сопротивлению немцам практически во всех оккупированных странах, советское правительство изображается в качестве единственного государственного руководства, заинтересованного в продвижении социального прогресса и демократии» [3, с. 237].

В апреле-мае 1945 г. среди советских солдат и офицеров, находившихся в войсках в Германии, Австрии, западной Чехословакии, нередко можно было слышать шуточные сентенции о том, что если бы советская армия захотела бы идти дальше на запад до Ла-Манша, то ее никто не мог бы остановить. Хотя это были шуточные рассуждения, они не могли не настораживать американскую военную и политическую верхушку. Советская армия в это время представляла собой грозную военную силу, которая имела опыт масштабных военных наступательных операций, навыки разгрома крупных группировок противника, чем не могли похвастаться англо-американские союзники. Если сопоставить военные действия на западном фронте и масштабные гигантские сражения на восточном, то сравнение будет выглядеть достаточно курьезным. Чтобы не быть голословным, несколько примеров. Англо-американские войска высадились на юге Италии в сентябре 1943 г., и итальянская армия мгновенно разбежалась. Немцы были вынуждены вводить в Италию свои войска, и западные союзники были остановлены на линии между Римом и Неаполем, где они стояли до самого конца войны. Невозможность наступления на север объяснялась разными отговорками: то плохой погодой, то дождливыми сезонами, то еще чем-нибудь. И англо-американские войска вошли на север Италии только тогда, когда в апреле 1945 г. немецкие войска были эвакуированы из Италии.

Много странностей происходило так же во время высадки союзников во Франции в июне 1944 г. Немецкая пропаганда всю войну громко вещала о так называемом грозном и неприступном Атлантическом вале, который якобы никто не сможет прорвать. В действительности никакого Атлантического вала не было, была сеть разрозненных огневых точек, которые быстро и легко были подавлены англо-американской авиацией накануне высадки. Верхушка германского рейха прекрасно понимала, что побережье Ла-Манша — это очень уязвимое место, однако побережье не укреплялось должным образом. Верхушка рейха, видимо, или не верила в возможность высадки союзников, или как бы приглашала англо-американские войска высадиться во Франции и как можно быстрее занять территорию Германии, дабы не пустить туда советскую армию. Совершенно не случайно то, что на западном фронте немцы держали 90 дивизий, а на советско-германском — 250. Они отдавали себе отчет в том, что англо-американская армия будет вести себя совершенно не так, как советские войска — они же не совершали зверств на территории Англии и Соединенных Штатов.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что доверие лидеров Большой тройки, которая существовала во время войны, было нарушено. Да и сама Большая тройка по завершении войны распалась. Скончался американский президент Рузвельт, во время работы Потсдамской конференции по итогам выборов в Англии Черчилль потерпел поражение, и вместо него в Потсдам прибыл К. Эттли. По всему было видно, что Сталин находился в подавленном настроении. Одно дело — взаимодействовать с лидерами, которые вершили судьбу мира в судьбоносный для него момент, другое дело — общаться с какими-то людьми, которые для Сталина, как представляется, ничего не представляли. И наверное, во время

работы Потсдамской конференции он не единожды вспоминал слова Черчилля, сказанные им в доверительной беседе в Ялте: «После нас миром будут править пигмеи». Если отбросить в сторону эмоциональные мотивы, то с полной уверенностью можно утверждать то, что для Сталина его новые партнеры были людьми мелкими по сравнению с такими гигантами, как Рузвельт и Черчилль. Этим во многом, как представляется, можно объяснить его гневную эмоциональную реакцию на ту политику, которую они стали проводить.

Расхождения и противоречия между СССР и США были, скорее всего, неизбежны, даже если бы Рузвельт дожил до конца своего президентского срока, до 1948 г. Слишком могущественны были силы, враждебные Советскому Союзу, слишком сильны были мессианские мотивы во внешней политике США, слишком заманчивыми были послевоенные перспективы для утверждения «американского века». Однако при президенте Рузвельте эти противоречия не переросли бы в ожесточенную и опасную военную конфронтацию, и об этом с уверенностью можно говорить, учитывая авторитет президента, приведшего Америку к победе в самой драматической в ее истории войне, а также принимая во внимание, что президент Рузвельт был интеллектуальным прагматиком и обладал даром предвидения — редкие для сильных мира сего качества.

Можно быть уверенным в том, что президент Рузвельт не стал бы провоцировать своего бывшего союзника на порой нервные и плохо продуманные действия, среди каковых можно упомянуть реакцию советской стороны на критическую, обидную и в целом несправедливую кампанию, развернувшуюся в англо-американских СМИ весной и летом 1945 г.

Все изложенное выше никоим образом не должно выглядеть как попытка возложить всю вину за начало холодной войны на западных союзников, прежде всего, на США. Значительная доля в зарождении этого драматического периода в истории человечества лежит и на советском руководстве, которое поддавалось на провокации и не всегда адекватно оценивало международную ситуацию. Однако следует признать непреложный факт, заключающийся в том, что руководящие круги в Вашингтоне спровоцировали советское руководство на жесткую реакцию и втянули разоренную войной страну в ненужную ей, изнурительную гонку вооружений.

Конечно, целесообразнее всего следовало бы уклоняться от нарастающей конфронтации, однако, проявляя сдержанность как генеральную линию поведения, следовало бы настаивать на решении тех проблем, которые имели жизненно важное значение для безопасности СССР. Вашингтонские советологи за военные годы очень хорошо изучили характер и менталитет советского руководства, неплохо познали внутренние пружины внутриправительственного механизма и сумели использовать весь этот багаж знаний в реализации серии провокаций, в результате которых СССР был втянут в изнурительную и ненужную ему гонку вооружений. Для обеспечения обороноспособности страны нужен был, как говорят военные, уровень необходимой достаточности. Однако в Вашингтоне специалисты по советологии знали, что советские руководители всегда стремятся быть выше и лучше всех, и удачно играли на этих чувствах. Все эти методы и механизмы провокационных действий противостоящей стороны не изучены до конца до сих пор и ждут еще детальных и подробных исследований.

Следует упомянуть и позитивное воздействие холодной войны на Россию под названием Советский Союз. Как бы то ни было, несмотря на гигантские жертвы и разрушения, Россия сохранила свою цивилизационную идентичность благодаря враждебности Запада. Великая Отечественная война спасла Россию от окончательного разрушения национальной культуры, что было важной частью государственной политики в 1920–1930-е гг. Вот что написал по этому поводу знаменитый американский дипломат Дж. Кеннан, который, без преувеличения, был одним из лучших

знатоков России и русского национального характера. Сразу после окончания войны он отметил, что «национальное самосознание русских укрепилось». И далее: «В результате ошибок противника, использовав территориальные и погодные особенности своей страны, успехи недавно проведенной индустриализации, помощь западных держав, собственный героизм и выдержку и проведя ряд выдающихся военных операций, значительно превысивших по своему размаху и результативности все, что знала до того военная история, русскому народу удалось изгнать захватчиков, снова завладеть потерянной территорией... В душе каждого русского человека воскресла надежда, что широкий ум и отвага русских людей однажды превзойдут достижения высокомерного и консервативного Запада» [2, с. 402].

Запад трижды преподнес горькие уроки нашей стране в течение XX–XXI столетий. Первый — это украденная у нас победа 1945 г., когда очень быстро вместо ореола победителя и освободителя Европы на Советский Союз навесили ярлык агрессора, угрожающего соседям и, прежде всего, Европе. В то время не последнюю роль сыграло благодушие советского руководителя, который полагал, что Европа будет вечно благодарна за свое освобождение. Второй урок — после 1991 г., когда и советское руководство, народ страны поверили в благородные «общечеловеческие» ценности, распахнули свои двери перед недавними противниками и в итоге страна лишилась исторического национального достояния. И сейчас после событий на Украине в 2014 г. мы делаем вид, что имеем дело с нормальными государственными деятелями, которые в действительности постоянно оскорбляют великую державу и не несут за это никакого наказания. И совершенно странно выглядят в свете украинских событий 2014 г. рассуждения об интеграции и единой Европе.

Враждебная позиция Запада полезна для России как горькое, но необходимое лекарство. Холодная война сплотила страну на основе великодержавности. Враждебная позиция Запада после распада СССР предотвратила развал и растворение России в мировом пространстве. Не нужно бояться конфронтации, она мобилизует национальные ресурсы, способствует сплочению общества, придает необходимый для его активного существования тонус, заставляет реализовать в полной мере свои ресурсы.

Конечно, петь гимны конфронтации — не самое лучшее занятие. Гораздо приятнее говорить о гуманитарных ценностях Запада и иметь с ним добрые отношения. Но жестокая реальность на протяжении многих столетий демонстрировала то, что враждебность Запада не была выбором России, и эта реальность много раз демонстрировала нам то, что Запад приходил в Россию не с добрыми намерениями.

Литература

1. *История США в 4 т.* Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1987.
2. Кеннан Дж. *Дипломатия Второй Мировой войны.* М., 2002.
3. Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.
4. Сталинское десятилетие холодной войны / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999.
5. Franklin Roosevelt and the world Crisis 1937–1945 / Ed. by W. Kimball. London, 1973.
6. Kissinger H. *Diplomacy.* N.Y., 1995.
7. Lynne Olson. *Citizens of London.* N.Y.: Random House, 2010.
8. Roosevelt F. D. *Selected speeches, messages, press conferences and letters.* N.Y., 1957.

References

1. *History of the USA in 4 v.* [Istoriya SShA v 4t.]. V. 4. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR [izd-vo AN SSSR], 1987. (rus)
2. Kennan G. *Diplomacy of World War II* [Diplomatiya Vtoroi Mirovoi voyny]. M., 2002. (rus)

3. Pechatnov V. *Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940th* [Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.]. M., 2006. (rus)
4. Stalin decade of cold war [Stalinskoe desyatiletie kholodnoi voiny] / Executive edition of A. O. Chubaryan. M., 1999. (rus)
5. Franklin Roosevelt and the world Crisis 1937–1945 / Ed. by W. Kimball. London : 1973.
6. Kissinger H. *Diplomacy*. N.Y., 1995.
7. Lynne Olson. *Citizens of London*. N.Y., Random House, 2010.
8. Roosevelt F.D. *Selected speeches, messages, press conferences and letters*. N.Y., 1957.